

A woman with short brown hair, wearing a white crop top, a dark leather jacket, and a dark green skirt with gold studs, holds a silver revolver in her right hand. She stands in a futuristic city with tall, curved buildings under a cloudy sky. The overall color palette is dominated by purples and blues.

Блейк Крауч

*Блейк Крауч –
один из лучших
новых авторов
за много лет.*

Вэл Макдермид

ХОРОШЕЕ
ПОВЕДЕНИЕ

Летти Добеш

Блейк Крауч

Хорошее поведение (сборник)

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Крауч Б.

Хорошее поведение (сборник) / Б. Крауч — «Эксмо»,
2005 — (Летти Добеш)

ISBN 978-5-04-090985-8

Блейк Крауч называет ее своей самой любимой героиней. А после появления на экранах популярного телесериала «Хорошее поведение» она стала любимицей и миллионов телезрителей по всему миру. Потому что она – Летти Добеш, очаровательная мошенница, способная любого обвести вокруг пальца...<р id="_GoBack">Выйдя из тюрьмы, Летти решила вернуться к своему прежнему промыслу – кражам в номерах дорогих гостиниц. Вот только время и место выбрала неподходящие... В номер, где она орудовала, совершенно неожиданно вернулся постоялец, оказавшийся киллером, и еще один человек. Прячась в платяном шкафу, Летти услышала, как посетитель заказывает убийство своей жены. Жалостливая воровка решила спасти несчастную женщину. Но как? Ведь в полицию ей путь закрыт...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-090985-8

© Крауч Б., 2005
© Эксмо, 2005

Содержание

Вступление Блейка Крауча к «Хорошему поведению»	6
Чужая боль	9
Послесловие Блейка Крауча к «Чужой боли»	29
Риф заката	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Блейк Крауч

Хорошее поведение

© Загот М. А., перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Посвящается Мишель Докери и Хуану Диего Ботто

Кто мучается угрызениями совести, совершает такую же глупость, как собака, которая грызет камень...

Можешь ли ты взять свое зло и свое добро и ограничить свою волю законом?

Фридрих Ницше

Вступление Блейка Крауча к «Хорошему поведению»

Нет никаких сомнений в том, что самый крутой творческий выверт в моей писательской карьере – это Летти Добеш. Я стремлюсь к тому, чтобы описывать людей живых, со своим дыханием, многомерных, чьи чувства мне реально знакомы. На самом деле для меня это – самое трудное, и часто я с этой задачей не справляюсь. А если и справляюсь, то только после седьмой или восьмой переписки, – и это уже акт не столько вдохновения, сколько самоизнурения. Глине медленно, но верно придается нужная форма.

Однако в случае с Летти отправная точка была совершенно иной и ни с чем не сравнимой.

В марте 2009 года я и думать не думал о Летти. Меня захватила вот такая идея рассказа, достаточно простая и в то же время не лишенная коварства: ты живешь своей обычной жизнью, и вдруг в нее врывается заказное убийство. Имеется в виду, что тебе стало известно: есть некий наемный убийца, и он собирается кого-то убить. Как ты поступишь? Вмещаешься, чтобы предотвратить убийство? Пойдешь в полицию? Я пытался развить эту идею не меньше пяти раз, но всякий раз отступался. Все мои неудачные попытки написать этот рассказ сводились к одному: мой герой, человек, случайно оказавшийся в центре данной передраги, идет напрямик в полицию, сообщает о наемном убийце и спасает потенциальную жертву от смерти. Все. Но что же тут интересного? Получалось как-то одномерно. Проблема заключалась в том, что все мои герои были хорошими людьми.

Первые наброски Летти появились, когда я стал спрашивать себя: а кто *не захочет или не сможет* обратиться в полицию? Допустим, человек недавно вышел из тюрьмы по решению об условно-досрочном освобождении? Или еще интереснее: этот человек и сам совершает преступление, и тут узнает о наемном убийце и его планах? Как тут пойдешь в полицию? Сразу раскроется твоя мелкая кража, и тебе снова светит тюрьма. В голове начала складываться история, стала обрастать деталями. А что, если попробовать так: мой антигерой грабит гостиничные номера на шикарном курорте и случайно слышит, как обсуждается план убийства?

Тут-то перед моим мысленным взором и возникла завладевшая мной картина. Я увидел женщину в рыжем парике, она прячется в шкафу, а ее кожаная спортивная сумка набита всякой всячиной, которую она натибрила за день хождения по гостиничным номерам. И вот эта женщина смотрит через щель в раздвижных дверках шкафа и слышит, как один мужчина нанимает другого убить собственную жену...

Меня и сейчас охватывает дрожь, когда я об этом думаю – одной этой картинке оказалось достаточно, чтобы понять, что это за женщина. Что творится в ее душе. Как нелегка ее судьба. Сбиты все жизненные ориентиры. Ей не нравится то, чем она вынуждена заниматься. Я понял, что где-то у нее есть сын, которого она не видела несколько лет. Я понял, что вся ее жизнь – это череда бед и неприятностей. Сейчас она живет в дешевом мотельчике и каждый день бьется, стараясь не идти тропой греха. И не лишит себя жизни с отчаяния. Я понял, что она умна, изобретательна, обаятельна, что она разрушает свою суть, это женщина-хамелеон. Я понял, что она ни хороша, ни плоха. Она такая, какая есть. Настоящая. Она пытается понять, кем же является на самом деле, и больше всего на свете хочет обрести душевный покой, потому что явно не вписывается в рамки, которые отвело для нее общество.

В эту минуту я влюбился в Летти. Я не просто выписывал персонаж. Так бывает, когда встретишь человека и понимаешь: он станет твоим настоящим другом. Словно что-то шелкнуло, и я сразу узнал все о своей будущей героине.

Я пишу уже два десятилетия, и создание Летти – это один из немногих эпизодов моей писательской жизни, когда меня охватило подлинное вдохновение; это был удар молнии, взорвавший тьму. Нечто похожее произошло со мной, когда мне открылась тайна «Сосен».

Я сразу же сел писать первый рассказ из серии Летти Добеш, «Чужая боль», который отнес в «Альфред Хичкок мистери мэгэзин». Редактор журнала, Линда Лэндриган, решила напечатать его в мартовском номере 2011 года. И так о Летти смог узнать весь мир.

За последующие годы я написал о ней еще две новеллы, одновременно работая над трилогией «Сосны» – мир Летти давал мне возможность переключить обороты. Писать о ней было истинным наслаждением: она всегда действовала по наитию, и я сам не знал, куда она меня выведет.

Начиная с 2012 года меня целиком захватили «Сосны» (книги и телесериал), и я решил, что Летти надо дать передохнуть. Но, следуя своей природе, отмахнуться от себя она мне не позволила.

Работая над сериалом «Сосны» для телеканала «Фокс», я познакомился со сценаристом и продюсером по имени Чад Ходж; он стал одним из моих лучших друзей и колоссальным идейным вдохновителем. Чад написал пилотный сценарий «Сосен», создал этот сериал и втянул в этот увлекательный процесс меня. Следует заметить, что наши рабочие отношения (телевизионный сценарист и автор) – дело в Голливуде почти неслыханное, там автора исходного материала стараются держать как можно дальше от производственного процесса.

Мы с Чадом так прекрасно сработались на съемках первого сезона «Сосен», что он решил познакомиться со всем списком моих работ – вдруг что-то подойдет для будущего проекта? Я сказал ему, что у меня есть рассказы о женщине по имени Летти Добеш. Предупредил: это не концептуальные триллеры из мира научной фантастики, не «Сосны». Тут все земное, все крутится вокруг главной героини.

Чад прочитал все рассказы о Летти и через несколько дней позвонил мне. Он говорил о Летти в той же тональности, какая была свойственна и мне самому. Сказал, что она – особа яркая и необычная, и предложил вместе написать пилотный сценарий для нового проекта.

Когда съемки «Сосен» завершились, мы засели за пилотный сценарий, развернувшийся впоследствии в сериал о Летти, и написали первый эпизод, взяв за основу «Чужую боль» – рассказ, который вы сейчас прочитаете. Чад предложил название для сериала – «Хорошее поведение», – и в апреле 2015 года мы продали пилотный сценарий и план для сезона из десяти эпизодов Кевину Рейли на TNT – именно он в свое время, будучи главой «Фокс», купил у нас «Сосны».

Если ты продал сценарий телесериала, это еще не значит, что этот сериал увидит свет. Как раз чаще ничего не происходит. Мы знали, что судьба «Хорошего поведения» зависит от подбора актрисы на роль Летти – и тут нам здорово повезло.

Летом 2015 года заканчивались съемки последнего сезона «Аббатства Даунтон», одного из самых знаковых сериалов последнего десятилетия. Это означало, что одна из тамошних звезд, Мишель Докери (леди Мэри), вот-вот начнет подыскивать себе новую роль.

Она прочитала сценарий и влюбилась в Летти так же, как до нее Чад и я.

Через два месяца, на основе пилотного эпизода и сценариев еще трех, написанных Чадом и мной, TNT официально заказало нам работу над сериалом «Хорошее поведение».

Так что же за книгу вам предстоит прочитать?

Во-первых, и в самых главных, это три написанных мною рассказа: «Чужая боль», «Риф заката» и «Подмена». Каждую новеллу венчает мой комментарий о работе над текстом, над сериалом, над образами и многим другим, имеющем отношение к моему совместному путешествию с Летти. Это нечто похожее на «выбери себе приключение» – можете этот дополнительный материал пропустить, вернуться к нему позже либо не притрагиваться к нему вообще.

Надеюсь, данный эксперимент даст читателю и нечто большее – позволит понять, как формируется идея произведения, как развивается персонаж при его переносе в другую форму выражения.

Мои первые наброски, связанные с Летти, относятся к весне 2009 года. За последующие семь лет она прошла путь от идеи до рассказа, сценария, прослушиваний, читки и сериала на кабельном телевидении. На этом пути ей встретилось много замечательных людей, которые и помогли слепить из нее порочный, неотразимый, криминальный, очаровательный и отважный персонаж, с которым вам предстоит познакомиться и, надеюсь, увидеть на экране.

Самое замечательное во всей этой истории то, что Летти теперь принадлежит не только мне. Она принадлежит и моему соавтору по «Хорошему поведению» Чаду Ходжу. Она принадлежит и Мишель Докери, которая потрясающе играет Летти и заводит ее в такие места, какие мне и не снились. Она принадлежит и Шарлотте Селинг, режиссеру пилотного эпизода, которая придала всему сериалу эдакий поэтический нуар. Нельзя не упомянуть и художника сериала Курта Бича, и костюмера Алонзо Уислона, и сотни людей, которые не покладая рук трудились, помогая нам рассказать телевизионную историю длиной в десять часов о подсевшей на наркотики воровке, которая встречает наемного убийцу и выясняет, что он может стать ее спасением.

Эта книга – не просто три новеллы. Она помогает читателю понять, что персонаж существует не только в прозе. Летти – это смесь из прозы, сценариев, актерской игры и, наконец, самое главное – того впечатления, которое останется у вас после встречи с ней.

Спасибо за то, что читаете.

Спасибо за то, что смотрите.

Надеюсь, эта поездка доставит вам удовольствие.

*Блейк Крауч
Дуранго, Колорадо
3 мая 2016 года*

Чужая боль

1

Летти Добеш, пять недель на свободе после девяти месяцев отсидки в исправительно-трудовом центре Флюванна за серьезную кражу, подровняла свой рыжий парик на каштановом ежике, поправила здоровенные модные очки, которые она два дня назад подняла в чужом шкафчике в теннисном клубе «Эшвилл», и протянула водиле двадцатку.

– Сдачи нужно, мисс? – спросил тот.

– На счетчике девять баксов и семьдесят пять центов. Что тебе подсказывает твое сердце?

Миновав носильщика, она вошла в гостиницу «Грув парк-инн» с небольшой спортивной кожаной сумкой. Облачный осенний день был достаточно прохладным, и с двух сторон горели солидные каминные из камня, посылая в вестибюль перекрестные потоки тепла.

Летти присела за столик неподалеку от бара, чувствуя легкое покалывание в ушах – перед выходом на дело так бывало всегда. Адреналин, страх и луч надежды – ведь никогда не знаешь, на что можешь наткнуться. Это даже лучше, чем секс, когда нанюхаешься.

Подошел бармен, и она заказала минералку «Сан-Пеллегрино» с лаймом. Когда он вернулся к стойке, взглянула на свои часы: без двух минут три. На диване у ближайшего каминного уютно устроилась пожилая пара с бокалами вина. Через несколько столиков мужчина в темно-синей куртке читал газету. Похоже, при деньгах – первоклассный причесок, загарчик... Небось ходит в солярий или приканал с каких-нибудь островов. Двое из obsługi мыли окна, что выходили на террасу. Для субботнего полудня тишь да гладь, да и она вполне анонимна, хотя это не имеет никакого значения. Что вспомнят люди, если заявится полиция? Хорошенькая рыжуха лет тридцати с хвостиком, кудряшки, смехотворные очки...

Ее часы запыкали – три часа, и тут же Летти услышала звук приближавшихся шагов – это бармен нес ее «Пеллегрино». Поставил на столик запотевший бокал, вытащил из нагрудного кармана салфетку.

Она подняла голову. Улыбнулась. Симпатичный паренек. Фанат бодибилдинга.

– Сколько с меня?

– За счет гостиницы, – ответил он.

Летти выжала в минералку лайм. Через окно на террасу виднелись яркие деревья под серым небом, чуть подалее – центр Эшвилла, а на расстоянии – гребень Голубого хребта, верхушки срезаны полосками облаков. Она потягивала напиток и смотрела на салфетку, которую оставил бармен. Четыре рукописных номера из четырех цифр каждый. За полминуты она запомнила их и быстро огляделась по сторонам – отлично, мойщики окон и гостиничные постояльцы заняты своими делами. Затем подняла салфетку и по стеклянной поверхности стола подтащила к себе карточку-ключ, лежавшую под салфеткой. Взяв карточку, разорвала салфетку и выкинула обрывки в бокал с шипящей водой.

2

Час спустя она выудила из сумочки телефон и вышла из лифта на пятый этаж. Перед ней был коридор – роскошный и абсолютно пустой. Никаких тележек для уборки. Где-то за углом жужжит автомат с кубиками льда.

Проходя по северному крылу, Летти вся сияла от удовольствия – так бывает, когда все супер-пупер. В принципе, можно было бы и завязать на сегодня, улов-то немалый: в ее спортивной сумке, что оттягивала руку, уже собрались три крутых лэптопа, шестьсот сорок пять баксов наличными, один мобильник, два планшета, плюс она полностью обчистила три мини-бара.

Стоя перед запертым номером 5212, Летти с украденного телефона позвонила на стойку регистрации.

– Это «Грув парк-инн». С кем вас соединить?

– С номером пятьдесят два двенадцать.

– Пожалуйста.

По ту сторону двери зазвонил телефон; Летти дала ему позвонить пять раз, потом преврала связь, еще раз окинула взглядом коридор и карточкой открыла дверь.

Номер 5212 оказался самым скромным из четырех: одна двуспальная кровать (неприбранная), отделанная кафелем туалетная комната с душем и глубокой ванной, зеркало еще хранит следы конденсата. В зоне для отдыха – платяной шкаф, двухместный диванчик, кожаное кресло и окна во всю стену с видом стоимостью в 350 долларов на Эшвилл, горы и поле для игры в гольф – зеленое пространство оторочено соснами и кленами. В воздухе висит запах дорогих духов, от одежды на кровати пахнет сигарным дымом.

Летти обследовала прикроватную тумбочку, платяной шкаф, туалетный столик с зеркалом, ящички под раковиной в ванной, стенной шкаф у двери, чемодан, пошарила под подушками на диванчике (там часто бывало чем поживиться – иногда богатые, то ли по тупости, то ли от лени не хотели пользоваться гостиничным сейфом).

Номер 5212 оказался провальным – ничего, кроме трех сигар «Ромео и Джульетта», которые она, само собой, прикарманила, и мелких сувениров для носильщика и бармена.

Готовясь к выходу, Летти расстегнула сумку и открыла мини-бар – и, когда держала в руке бутылочку 12-летнего виски «Гленливет», ее телефон заверещал.

Она приняла звонок.

– Да.

– В каком ты номере?

– Пятьдесят два двенадцать.

– Смывайся. Он возвращается.

Летти закрыла мини-бар.

– Сколько у меня времени?

– Я тут закрутился с народом... Возможно, нисколько.

Она закинула сумку на плечо и пошла к двери, но безошибочный звук вставляемой в прорезь карточки пригвоздил ее к полу.

Раздался приглушенный голос:

– Похоже, надо перевернуть.

Летти открыла двойные дверки шкафа и проскользнула внутрь. Изнутри никакой ручки не было, и она захлопнула дверцы, держась за планки.

В номер вошли. Она позволила сумке сползти с плеча на пол, вытащила из сумочки мобильник и отключила его. Дверь в номер закрылась.

Через полоску света Летти увидела, что мимо нее прошли двое, один в синей куртке и брюках цвета хаки, другой в черном костюме; лиц она не разглядела.

– Выпьете, Чейз?

– «Джеймисон», если есть.

Она услышала, как открылся мини-бар.

Человек, который не был Чейзом, налил в стакан ирландский виски, щелкнула крышка от бутылки пива, и мужчины расположились в зоне отдыха. Летти стояла, затаив дыхание; сердце бешено колотилось в груди, поджилки тряслись, а ноги, казалось, вот-вот откажут.

– Чейз, мне нужно услышать от вас, что вы действительно все обдумали, что уверены на сто процентов.

– Так и есть. Я обратился к Виктору, только когда понял: другого выхода нет. Я прижат к стенке.

– Деньги принесли?

– Здесь.

– Можно взглянуть?

Летти услышала, как щелкнули дужки замков – видимо, открывали портфель.

– Надеюсь, вы не побежали в банк и не заказали там двадцать пять кусков сотенными купюрами?

– Я пошел к Виктору.

– Хорошо. Значит, завтра?

– Завтра.

– Насколько я знаю, у вас есть сын?

– Скайлер. Ему семь лет. От предыдущего брака.

– Завтра в десять куда-нибудь поезжайте с сыном. Заправьте машину, расплатитесь карточкой. Заедьте в «Старбакс». Купите себе кофе, а Скайлеру – горячий шоколад. Наденьте рубашку поярче. Пофлиртуйте с барменшей. Сделайте так, чтобы вас запомнили. Чтобы можно было точно доказать: с десяти до двенадцати вас дома не было.

– А потом домой?

– Именно.

– Вы мне скажете, что собираетесь сделать? Чтобы я был подготовлен?

– Будет естественнее – я имею в виду ваш разговор с полицией, – если это окажется для вас настоящим сюрпризом.

– Эта мысль мне понятна, но я сыграю лучше, если буду знать, что произошло. Мне так удобнее, Арнольд.

– Где ваша жена обычно принимает душ?

– Наверху, в большой ванной комнате, рядом с нашей спальней.

– Когда выходишь из ванной, туалет далеко?

– Несколько шагов.

– Вы найдете ее на полу около туалета со сломанной шеей – будто она поскользнулась, выходя из душа. Такое случается довольно часто.

– Хорошо. – Чейз выдохнул воздух. – Ладно, пусть будет так. Эта идея мне нравится. И надо сразу звонить в полицию?

– Позвоните в «девять-один-один». Скажете, что не знаете, жива она или нет, но не шевелится.

– А меня полиция не заподозрит?

– Поначалу может заподозрить.

– Мне бы этого не хотелось.

– Тогда не надо убивать жену. Это не такая безобидная и легкая операция, и не связывайтесь ни с кем, кто говорит, что это проще простого. Муж всегда стоит первым в списке подозреваемых. Но, прошу вас, поймите – свое дело я знаю очень хорошо. Будет вскрытие, но, если вы не дрогнете, смерть сочтут несчастным случаем. Дальше – чем занимается ваша жена?

– Сейчас практически ничем. Раньше работала медсестрой. А что?

– Эта информация поможет мне лучше подготовиться.

– В портфеле есть конверт, там недавняя фотография Дафны. Адрес. Ключ от дома. План расположения комнат. Все, о чем вы просили. Третье окно справа от входа я оставлю открытым.

– Мне будет нужно, чтобы вы отвлекли ее, пока я буду забираться в дом. Позвоните ей ровно в десять пятнадцать. Скажете, что не можете найти бумажник. Прикроватный столик у вас есть?

– Да.

– Скажете, что, наверное, оставили его там, попросите ее пойти и проверить. Она поднимется наверх, у меня будет время, чтобы попасть в дом.

– Мне надо все это записать.

– Нет. Ничего записывать нельзя. – Человек в черном костюме поднялся. – Что-то я притомился... Надо немножко покомарить.

Мужчины подошли к ней, и Летти поняла, что Чейз и есть загорелый тип с деньгами, которого она видела в холле.

– Имейте в виду, Чейз: после того как вы отсюда выйдете, пути назад не будет.

Летти видела, как они пожали друг другу руки, потом Арнольд открыл дверь, выпустил Чейза, вернулся в номер и запер дверь.

Он прошел мимо стенового шкафа и уселся на край кровати. Снял туфли, черные носки, помассировал стопы – и тут до Летти дошло, что он еще в куртке и сейчас он захочет повесить ее в платяной шкаф. Арнольд поднялся, снял куртку и пошел к ней.

У него зажужжал мобильник. Он достал его. Вздохнул.

– Да... Нет, все нормально.

Мужчина расстегнул ворот своей хлопчатобумажной рубашки.

У Летти затряслись руки.

– В цветочек, Джим. – Он положил куртку на туалетный столик и повернулся к стеновому шкафу спиной. – Помнишь, мы об этом говорили? – Его брюки упали к лодыжкам, за ними последовали яркие трусы. Он переступил через них, забрался на кровать и лег на спину; ноги чуть свисали. – Нет, Джим. С нарциссами.

3

Уже опоздавшая на работу на сорок пять минут, Летти вглядывалась через щель и видела, как вздымается и опускается грудь Арнольда; в остальном он лежал совершенно неподвижно и не издавал никаких звуков. Она простояла на одном месте почти полтора часа, и, хотя ей удалось снять туфли, места в шкафу не было – закрытые дверки не позволяли ей сесть или хоть как-то поудобнее согнуть колени. Последние полчаса ноги мучились от спазмов, подрагивали сухожилия.

Летти подняла свою кожаную сумку, чуть толкнула дверку шкафа – и из уголка ее правого глаза выкатилась капелька пота. Сморгнув жалеющую соляную струйку, она почувствовала, как дверь поддается, складывается с легким скрипом.

Летти вышла в номер, взглянула на кровать. Арнольд лежал без движения.

Оказавшись у двери, она открыла замок и как можно медленнее повернула ручку. Щелчок дверного засова показался оглушительным. Она потянула на себя дверь и шагнула через порог.

Летти расположилась в холле, сейчас шумном и оживленном – дело шло к ужину. Сидя у камина, она смотрела, как пламя пожирает крупные поленья, и держала в правой руке мобильник; палец завис над клавишей соединения.

Позвонить Летти не решалась. Уже отрепетировала разговор три раза, но ничего не получалось. Черт, она ведь даже не знает фамилию этой Дафны, где она живет... Кто-то там

из правоохранителей должен будет принять ее слова на веру, и тут ее карта наверняка будет бита. Свое подлинное имя она сказать не может, а уж о встрече с детективом лицом к лицу не может быть и речи. Как-никак, Летти три раза сидела. Общий итог – шесть лет за решеткой. Попадется на чем-то серьезном в четвертый раз – получит ярлык рецидивистки, и у судьи будет право увеличить максимально положенный ей срок в четыре раза. И смерть настигнет ее в федеральной тюрьме.

Если принять все это во внимание и говорить серьезно – какое ей дело до какой-то богатой сучки, которую хочет прихлопнуть собственный муж? Черт ее дернул зайти в номер 5212 – а так сидела бы уже в ресторане, предвкушая, как даст официанту большие чаевые, румяная от своей дневной добычи... Летти кинула мобильник в сумку. Надо просто уйти. Стереть этот разговор из памяти. В конце концов, сколько раз она грабила случайных, ни в чем не повинных людей? И ничего, бессонница по этому поводу никогда не мучила, душа никогда не страдала. Сейчас она уйдет отсюда, скажет на работе, что заболела, купит две бутылки мерло и вернется в свою жалкую квартирку. Может, прочитает несколько глав из книжки, недавно купленной на барахолке – «Нерациональное поведение: как освободиться от привычек, желаний, чувств и отношений, которые мешают тебе двигаться вперед», – и вырубится на диванчике...

А наутро ты проснешься с головной болью, коликами в желудке, дурным запахом во рту, помотришь на себя в ветхое зеркало и возненавидишь свое отражение еще больше.

Видимо, Летти шипела достаточно громко и привлекла внимание пожилого господина, который к вечеру приедется; он читал «Эшвилл ситизен таймс» и бросал на нее взгляды поверх газетной страницы. Она пресекла его попытки ядовитой улыбкой и поднялась, злясь на себя из-за этой вспышки ярости. Прошла несколько шагов – и все изменилось. Гнев растаял. Он уступил место приятному возбуждению. Расчувствовалась, перепугалась – как она могла об этом забыть?

В номере 5212 находится конверт с фотографией и адресом Дафны, но там же есть и портфель с 25 000 долларов наличными. Украсть деньги. Украсть конверт. Спасти жизнь.

Летти стала рыться в сумочке в поисках карточки-ключа и тут же поняла – она ее не найдет. Войдя в номер Арнольда, положила карточку на столик... видимо, там она и лежит. Летти бросило в жар. Бармен и носильщик, ее единственные контакты в этой гостинице, уже сменились. Значит, другую карточку ей не достать.

Она двинулась через холл; ей хотелось побежать, прошибить лбом стену, как-то выпустить пар...

Летти остановилась, стараясь прийти в себя, прислонилась к деревянной колонне, голова шла кругом – и тут в тридцати шагах от нее зазвенел звонок, металлические двери распахнулись, и из лифта вышел человек по имени Арнольд, одетый вполне демократично: джинсы, ковбойские сапоги, спортивная куртка. Она смотрела, как он просачивается сквозь толпу и идет к выходу из гостиницы «Сансет террас». Там Арнольд перекинулся парой слов с гостиничной девушкой, встречавшей гостей у стойки, и Летти совершенно инстинктивно пошла в его сторону, сожалея, что во время одной из ее отсидок не обучилась ремеслу карманника. Во Флюванне была женщина, которая владела этим ремеслом в совершенстве – однажды она за один день подсняла в «Диснейленде» пятьдесят бумажников. Задние карманы Арнольда были скрыты под его синей курткой, но выпуклостей не видно, да и какой разумный человек будет держать бумажник в заднем кармане? Внутренний карман куртки – это другое дело, но вытащить бумажник оттуда – на это нужны особый талант и особая отвага. Нужно практически столкнуться с объектом и действовать руками молниеносно и точно. На такое она не способна.

Арнольд отошел от стойки и прошагал через холл в бар, где забрался на стул и стал ждать, когда его обслужат.

4

Летти просочилась мимо какой-то яркой пары и сквозь толпу подобралась к бару. Место слева от Арнольда оказалось свободным, и она забралась на табурет, а кожаную сумку опустила на пол. Она узнала запах его парфюма, но в его сторону не повернулась. Предпочла понаблюдать за барменом, который стоял к ней спиной и готовил коктейль – судя по всему, холодный чай «Лонг-Айленд», – подливая жидкость из четырех бутылок одновременно в полулитровый стакан со льдом.

Арнольд потягивал «Курс лайт»¹ из бутылки с длинным горлышком, теребя пальцами этикетку. В его руках было что-то завораживающее, и Летти, чуть скосив глаза, внимательно смотрела на них.

Прошло пару минут, но бармен так и не подошел к ней принять заказ, и Летти достаточно громко вздохнула, хотя на самом деле сочувствовала парню. Клиентов в баре было хоть отбавляй, и бармен трудился в поте лица.

Она взглянула на Арнольда – вряд ли тот заметил, что женщина рядом с ним находится в затруднении. Погружен исключительно в свой мир, как и все остальные...

Поэтому она вздрогнула, когда он заговорил:

– Бармен.

Арнольд произнес слово негромко, но было в его голосе нечто, не позволявшее проигнорировать его оклик. Бармен оказался перед ним мгновенно, будто ему было велено выйти из строя.

– Повторить?

– Может быть, примете заказ у дамы?

– Извините, я не знал, что она с вами.

– Она не со мной. Но разве она не имеет право что-то выпить, пока кубики со льдом не растаяли?

От бармена внятно повеяло холодом, типа «со мной шутки плохи», и Летти даже подумала: а не тянул ли он срок в тюрьме с режимом средней строгости? Она узнала этот жесткий взгляд. Однако его глаза спасовали перед взглядом клиента, сидевшего справа от нее, и метнулись в ее сторону, словно столкнулись с чем-то невероятным, более жестким, чем они сами, – и уступили, признав поражение.

– Что будете пить?

– Мартини «Серый гусь», чуть-чуть воды и оливку не из банки.

– Сейчас сделаем.

Сейчас или никогда. Летти повернулась к Арнольду, а тот уже повернулся к ней. Кончики ее ушей снова вспыхнули – она впервые могла его разглядеть. На вид лет сорок. Чисто выбрит. Темные волосы, консервативная стрижка. На шею из-под воротника выползла татуировка: нечто вроде эротического пальца, сжимавшего его шею. Зеленые глаза излучали даже не жесткость, а нечто потустороннее. То ли это была уверенность в себе, то ли наглость, но при других обстоятельствах (а может, и при этих) Летти вполне могла бы таким сильно увлечься.

– Вы просто спаситель, – сказала она.

Он чуть улыбнулся.

– Делаю, что могу.

---

¹ Марка пива.

Летти включила свою обезоруживающую улыбку «на крайний случай», которую приберегала для полицейских, которая помогла ей без потерь выбраться из гостиничного номера в Вегасе.

– Я – Летти.

– Арни.

Она пожала ему руку.

– Летти – это сокращенное от...

– Летиция. Жуткое имя, сама знаю.

– Почему, мне нравится. Такое не услышишь каждый день.

Бармен поставил перед Летти мартини и подтолкнул новую бутылочку пива Арнольду.

– Угощаю, – сказала она и потянулась к сумочке.

– Не выдумывайте. – Арнольд полез в карман куртки.

– Вообще-то, – вмешался бармен, – это с меня. Извините, ребята, что заставил ждать.

Летти подняла бокал за ножку и чокнулась с горлышком бутылочки Арни.

– Ваше здоровье.

– За новое знакомство.

Они выпили.

– Вы откуда? – спросил Арнольд.

– Сюда перебралась недавно.

– Симпатичный городок.

– Вполне.

Летти уже чувствовала, что разговор вот-вот зависнет и зайдет в тупик.

– Должна кое в чем признаться, – сказала она.

– В чем же?

– На самом деле, не стоило бы. Подумаете, что я ужасная.

– Я уже подумал, что вы ужасно клевая. Вперед. – С этими словами он толкнул ее плечо своим, и этот контакт пришелся ей по вкусу.

– У меня здесь свидание вслепую.

– И что? Вы его продинамили?

– Нет, но у меня поджилки трясутся. Не хочу с этим связываться.

– Вы должны были встретиться с ним в холле?

– Прямо здесь, в баре. И что-то струхнула. Вас увидела. Я плохой человек, сама знаю.

Арнольд засмеялся и допил остатки первой бутылочки.

– Откуда вы знаете, что я – не он?

– Господи, так это вы?

Он поднял брови, словно нагнетая напряжение. Потом сказал:

– Нет, но, вполне возможно, этот бедолага где-то тут бродит и ищет вас. Он знает, как вы выглядите?

– В общих чертах.

– И вы хотите спрятаться от него со мной. Верно?

Летти стряхнула с лица выражение недовольной пай-девочки.

– Если это не очень обременительно. Не скажу, что я до жути остроумная и общительная, но за следующий круг заплачу.

Она отпила мартини и взглянула на него поверх ребра бокала, чувствуя кончиком языка обжигающий привкус водки и оливкового сока.

– Есть предложение получше, – сказал Арнольд.

– Какое?

– Если нам нужно продать товар с гарантией – окончательно сбить вашего кавалера со следа, – вам есть смысл со мной пообедать.

5

За прекрасным ужином они вдохновенно ввали друг другу. Летти стала учительницей английского в старших классах школы и жаждущей успеха писательницей. Каждый день она встает в четыре утра и три часа пишет, а потом едет на работу; уже написала пятьсот страниц (через один пробел) о мужчине, очень похожем на кинозвезду, и вот благодаря такой внешности он пытается пробиться на Бродвее, а потом взять штурмом и Голливуд; в общем, такая вот трагикомедия.

Арнольд рассказал, что работает на филантропа в Тампе, штат Флорида. В Эшвилл приехал, чтобы посмотреть, что представляет собой некая научно-исследовательская контора, которая обратилась к ним за финансированием, побеседовать с ее директором.

– А чем именно они занимаются? – спросила Летти после того, как официант поставил перед ней бифштекс, налил ей бокал вина, и она стала кромсать мясо, получая удовольствие и от ресторанного бифштекса средней прожарки, и от импровизированного трепа Арнольда насчет биоинформатики и приложений для борьбы с онкологией.

Они уговорили две бутылки шикарного бордо, на десерт поделили шоколадный фондан, а потом взяли по рюмочке коньяка и устроились на кушетке возле камина в холле. Летти к этому времени успела пропустить три мартини, свою порцию вина (больше бутылки) – и вот теперь «Реми Мартен», который оказался прекрасной лакировкой. Где-то в душе звучал сигнал тревоги: *смотри как бы добыча не ускользнула*. В остальном ее мучил вопрос: быстро ли носильщик, который везет тележку с багажом к лифтам, сможет достать ей травки и, если достанет, клюнет ли на эту удочку Арнольд?

* * *

В тусклых металлических дверях лифта она видела свое с Арнольдом искаженное отражение. Он поцеловал ее в шею, обвил своими изумительными руками ее талию, которую она по пьяному делу не удосужилась подтянуть.

Пошатываясь, они вышли на пятом этаже, и когда Летти поняла свою ошибку – она инстинктивно повернула к северному крылу в направлении номера 5212, будто уже там бывала, было уже поздно.

* * *

– Мне надо признаться еще кое в чем, – сказала Летти, пока Арнольд изучал содержимое мини-бара.

– В чем?

– Я не рыжая.

Он глянул над открытой дверкой и увидел, как Летти стаскивает парик.

– Ты огорчен, – сказала она.

Арнольд поднялся, закрыл дверку мини-бара носком ботинка и поставил бутылки с пивом на столик, рядом с карточкой, которую Летти оставила здесь четыре часа назад. Затем неторопливыми, размеренными шагами приблизился к ней, совсем вплотную, так что пряжка его ремня уперлась ей в пупок.

– Ты огорчен? – пробормотала она.

Арнольд погладил ее каштановый ежик, провел пальцами до самой шеи. Ей показалось, что его руки сжимаются вокруг ее горла, сонная артерия пульсирует под нажимом.

Летти подняла голову. Зеленые глаза. Подозрение. Похоть. Она качнулась на каблуках. Он положил руки ей на талию, переместил их на округлости ее бедер, правую руку опустил ниже спины и прижал к себе.

Из соседней комнаты сочилась музыка, что-то тягучее, какой-то перепев из восьмидесятых, «Эр сэпплай» или того хуже.

Они продолжали танцевать, когда музыка уже закончилась, толклись в полупьяном трансе. Наконец Арнольд направил их к стене, где нащупал регулятор освещения.

* * *

Летти проснулась в середине ночи от страшной жажды, и, хотя ее голова лежала на подушке, казалось, что, пока она спала, кто-то проломил ей череп; красные цифры будильника в непрерывном движении опускались по спирали, напоминая опознавательный знак парикмахерской. Рядом с ней тяжелым камнем лежал и похрапывал мужчина; затылком она чувствовала, как от него разит перегаром. Летти была голая, между ее ногами скомкалась простыня. Как она отрубилась, не помнит. Как развивались события после их прихода в номер – воспоминания самые обрывочные. Опорожнили бутылочки «Абсолюта» из мини-бара. Быстрый и жесткий секс – ни о каком кайфе нет и речи. Уж не сболтнула ли она что-то лишнее, врез с ее вечерними сказками? Тут Летти вспомнила, кто именно лежит рядом с ней, и на лбу у нее выступил холодный пот. Она закрыла глаза. Услышала голос отца – прокуренный, язык заплетается от виски, – этот шепот приходил к ней такими ночами, когда она лежала в постелях чужих мужчин в круговороте тьмы, либо в камере-одиночке: «Спи, черт тебя дер!» В глубине души Летти знала, что он прав.

6

Через занавеску пробивались ниточки света.

Девять часов двенадцать минут. Утро.

Под дверью в ванную тянулась яркая, бьющая в глаза полоса, изнутри доносились звуки водяных струй. Летти села на постели, отбросила простыню и, стараясь унять вибрирующую боль, прижала ладони к вискам.

Выскочила из постели, уперлась ногами в пол – легкий крен, подташнивает. Влезла в свое кашемировое платье-чехол, поправила на плечах бретельки. Когда она видела кожаный портфель с деньгами в прошлый раз, он стоял на полу возле кушетки, но сейчас его там не было. Летти опустилась на четвереньки и заглянула под кушетку, потом под кровать.

Пусто.

Она открыла стенной шкаф, и тут из душа раздался голос Арнольда:

– Летти, ты поднялась?

Портфель торчал у стены на верхней полке стенного шкафа; ей пришлось встать на цыпочки, чтобы до него дотянуться.

– Летти!

Она вытащила портфель, подошла к двери в ванную и сказала:

– Да, я уже встала.

– Как себя чувствуешь?

– Смертельный номер.

Летти присела на корточки и расстегнула замки портфеля.

– Я не сказал тебе вчера, – услышала она, – но у меня с утра встреча.

– Прямо с утра?

– К сожалению.

– С этой научно-исследовательской конторой?

– С ней самой.

Большими пальцами Летти прижала две кнопки. Замки отстегнулись.

– А я думала, мы вместе позавтракаем, – протянула она и открыла портфель.

– Можем вместе поужинать.

Двадцать пять тысяч не выглядели уж так впечатляюще – пять гладких сотенных упаковок.

– Ночевать будешь здесь? – спросила Летти, взяв в руки одну из них. Новехонькие хрустящие банкноты, пахнут чернилами и бумагой.

– Могу, – сказал Арнольд, – если хочешь повторить.

Он выключил воду. До нее донесся шелест занавески. Она бросила упаковку назад в портфель, схватила конверт и живо проглядела его содержимое: план дома, ключ от входа, страничка машинописного текста и черно-белая фотография женщины – тридцать с маленьким хвостиком. Снимок был не постановочный – или это только казалось? – лицо пугающе четкое, на переднем плане Дафна, а вокруг – расплывчатые пятна рододендронов. Волосы длинные, темные, прямые. Кожа противоестественно белая. Отстраненная и ледяная красота.

Арнольд вытирался полотенцем.

– Поужинать, конечно, можем, – согласилась Летти, запоминая адрес на страничке: 712, Хэмлет-корт.

Заработал моторчик электробритвы. Она закрыла портфель. Ее лодочки валялись возле кровати; Летти влезла в них, кинула свою кожаную сумку за плечо.

– Закусить можем и в городе, – предложил Арнольд сквозь жужжание бритвы. – Хотелось бы погулять по Эшвиллу.

– Без проблем, – сказала она, беря в руку портфель. – Устрою тебе экскурсию по барам. У меня есть хорошие на примете. Например, «Уэствилл паб». Отличная пивнушка.

– Вот это дельно.

Пять шагов до двери. До свободы от всей этой истории. И куш, какого у нее не было никогда.

Летти открыла внутренний замок, взялась за ручку двери.

Арнольд что-то сказал из ванной, но она не расслышала. Представила, как выскальзывает из номера – за ней с легким щелчком закрывается дверь, – идет по коридору, нетерпеливо ждет лифт...

Летти отошла от двери и положила портфель назад, на верхнюю полку стенного шкафа. Это было самое трудное решение в ее жизни.

Она опустила на пол свою сумку и постучала в дверь ванной.

– Можно войти, Арни?

– Конечно.

Он выключил бритву, когда Летти открыла дверь; увидев ее, чуть нахмурился. Над его плечами поднимался пар.

– Уже оделась.

– Мне надо в свою квартиру, приму душ там.

– Можешь остаться здесь, пока я буду на встрече.

– Надо собачку выгулять, кое-какие бумажки привести в порядок... На столике оставляю номер телефона.

Арнольд отошел от раковины – полотенце обмотано вокруг талии, – обнял ее.

– Буду ждать вечера с нетерпением, – сказал он.

И она поцеловала его, сделав вид, что это вполне искренне.

7

Летти пробежала через холл, мимо стойки регистрации. Вот и улица – холодное осеннее утро. Сунула в руку носильщику двадцатку, и тот подогнал такси, предназначавшееся для другого гостя.

– Хэмлет-корт знаете? – спросила она, когда носильщик захлопнул за ней дверцу заднего сиденья «Линкольна».

Водитель оглянулся – светлокожий гаитянин с голубыми глазами.

– Найду. Номер дома есть?

– Семьсот двенадцать.

Он вбил адрес в навигатор. Летти положила на переднее сиденье сто долларов.

– Извините, очень прошу вас поднажать.

* * *

Они неслись по улицам старого южного города, через центр, подсвеченный лучами утреннего солнца – ратуша, памятник Вэнсу², базилика Святого Лаврентия, куда уже тянулись прихожане на утреннюю мессу – и где-то на периферии ее сознания, вторичный по отношению к бившей ее дрожи, разворачивался спектр Аппалачских гор: медно-красные склоны, безупречно голубые верхушки Черной горы с ледяной оторочкой. Классический осенний день в долине Суоннаноа.

Они свернули на дубовую аллею, мостовая была усыпана красно-желтыми листьями.

– Мы едем в Монтфорд? – спросила Летти.

– Так показывает навигатор.

Хэмлет-корт оказалась уединенной тупиковой улицей, в стороне от шумихи дешевых отельчиков на Монтфорд-авеню, длиной приблизительно в полмили, на которой располагались особняки викторианской эпохи.

Подъезд к дому 712 был у края тупика, через кирпичную арку, способную пропустить только одну машину.

– Тормозите, – велела Летти.

– Можно подъехать поближе.

– Поближе мне не надо.

Она вылезла из машины в 10:04. Быстро прошла до конца улицы и, глянув на фамилию на большом черном почтовом ящике – Рошфор, – вошла под арку.

Дом находился в глубине участка, который поднимался по склону – со вкусом организованная территория, затененная кленами и соснами; там и сям каменные скульптуры – фонтанчики, купальни для птиц, ангелочки; на аккуратно подстриженной ярко-зеленой траве – ни листочка.

Неподалеку от дома заработал мотор. Летти шагнула в сторону от подъездной дорожки и спряталась в зарослях рододендронов. Мимо нее проехал стильный «Мерседес» с прямоугольным кузовом. Через кусты и тонированные стекла она разглядела Чейза за рулем и мальчика в детском кресле на заднем сиденье. От этого выезда ее затошнило еще больше, и когда мотор затих, Летти сунула палец в рот. Ее вырвало в кусты. Сразу стало лучше. Накатила слабость, но она протрезвела.

---

² Зебулон Байрд Вэнс (1830–1894) – военный и политик времен Гражданской войны в США, 37-й и 43-й губернатор Северной Каролины.

Когда «Мерседес» полностью скрылся из вида, Летти выбралась из кустов. Ее колотила дрожь, плечи саднили, в висках стучало не только от похмелья, но к списку ее страданий добавился и новый пункт – организм требовал кофе.

Она побежала вверх по склону – дорожка там расширялась и описывала просторную петлю, – поднялась по каменным ступеням на крыльцо с навесом, два раза нажала кнопку звонка и постаралась перевести дух.

Ее мобильник показывал 10:08. Внутри дома раздались шаги, затем дверь открылась. На пороге стояла Дафна Рошфор в бледно-лиловом махровом халате. И тут Летти поняла, что даже не задумалась, что именно скажет этой женщине, – продумала только, как сюда добраться, и вот этот план выполнен; а что дальше?

– Да?

– Вы – Дафна?

Глаза женщины сузились.

– Чем могу помочь? – Вроде бы просто фраза – принятая на юге дань вежливости; но слова прозвучали с заметным северным холодком.

Летти потеряла обнаженные предплечья, подумав, что, вполне возможно, от нее еще пахнет алкоголем и рвотой.

– Сюда должен приехать человек, чтобы вас убить.

– Что-что?

– Знаю, это кажется...

– От вас разит спиртным.

– Пожалуйста, выслушайте меня.

– Уйдите с моего крыльца.

– Прошу вас, просто...

– Я звоню в полицию.

– Отлично, звоните.

Дафна сделала шаг назад, намереваясь захлопнуть дверь, но Летти метнулась вперед и поставила правую ногу в дверной проем.

– Я пытаюсь вам помочь. Дайте мне всего лишь две минуты.

Она прошла за Дафной мимо лестницы, по коридору, и они оказались в огромной кухне – сплошь мрамор и нержавеющей сталь; в воздухе плавал запах порезанного лука и жарившейся яичницы. Дафна подошла к плите, перевернула омлет и стала очищать банан.

– Как вас зовут?

– Это не важно.

– Хорошо, говорите, – сказала Дафна.

Летти стояла по другую сторону барной стойки; через большие окна за раковиной лились потоки света. Кофеварка заканчивала свой цикл и булькала, будто ей перерезали горло.

– Излагаю вкратце, – начала Летти, – потому что у нас нет времени. Вчера я была в гостинице «Гроув-парк». Меня вооружили карточкой-ключом от всех номеров и подсказали, в какие номера есть смысл заглянуть.

– Вы – воровка.

– Я была в последнем за день номере, когда туда неожиданно вернулся гость. Мне пришлось спрятаться в шкафу.

– Что-то я не понимаю...

– С ним был Чейз. – Дафна перестала резать банан. – Ваш муж дал этому человеку, Арнольду, ключ от вашего дома. Вашу фотографию. План дома. И двадцать пять тысяч долларов за то, чтобы этот человек вас убил.

Дафна подняла глаза от доски для резки и двустволкой нацелила на Летти свои блестящие черные глаза. Ее улыбка обнажила ряд шикарных зубов.

– Прошу вас немедленно уйти отсюда.

– Думаете, я вру? Я вообще не хотела к вам ехать. Сегодня утром я запросто могла украсть эти двадцать пять тысяч. Поехать домой и выкинуть из головы всю эту историю. Вы меня не знаете, но на меня это совсем не похоже, такой... альтруизм. Просто я уже не один раз сидела. И еще одно обвинение в серьезном преступлении я не потяну. Стать соучастницей в таком деле – это для меня слишком большой риск.

Дафна снова взяла нож и продолжила резать банан.

Летти взглянула на часы в микроволновке.

– У меня есть доказательство. Сейчас одиннадцать минут одиннадцатого. Ровно через четыре минуты вам позвонит муж. Он скажет, что не может найти свой бумажник, попросит вас подняться в спальню и посмотреть на прикроватном столике. Если он позвонит, вы мне поверите?

Дафна взглянула на часы в микроволновке, потом перевела взгляд на Летти. Впервые в ее глазах отразился подлинный страх. Пришло тяжелое осознание. Она кивнула. Яичница начала подгорать.

– Как он с вами свяжется? – спросила Летти. – По стационарному телефону? По сотовому?

– Позвонит мне на «Айфон».

– У вас там стоит «бумер» – мы можем его взять?

– Никуда ехать с вами я не собираюсь.

– Вы не понимаете. Когда ваш муж позвонит, будет уже поздно. Смысл звонка – отправить вас наверх, чтобы Арнольд мог проникнуть в дом.

– Вы хотите, чтобы мы ушли сейчас?

– В эту самую секунду.

Дафна передвинула сковородку на холодную горелку, выключила газ. Они прошли назад по коридору, мимо стены, которую украшали семейные фото, отдельные снимки членов семьи и коллаж из улыбающихся карапузов и младенцев.

В прихожей женщина подхватила из керамической вазы рядом с вешалкой связку ключей и открыла входную дверь. Двор сиял от снопов света, которые били сквозь листву деревьев, и лужайка пестрела ярко-зелеными пятнами.

В десяти шагах от серебристого «бумера» Летти схватила Дафну за руку и заставила ее резко развернуться.

– Что такое?

– Назад.

– Почему?

– На подъездной дорожке за рододендронами припаркована машина.

Они вернулись к крыльцу.

– Ключ от дома при вас? – спросила Летти.

На крыльце Дафна вытащила ключи и после нескольких попыток воткнула ключ в замочную скважину. В доме хозяйка заперла за ними широкую дубовую дверь, закрыла ее на задвижку и накинула цепочку.

– Надо проверить заднюю дверь, – сказала она.

– Ни к чему. У него есть ключ, и Чейз оставил одно окно открытым. Оружие в доме есть?

Дафна кивнула.

– Покажите.

Та взбежала наверх; Летти, скинув туфли, последовала за ней. На втором этаже она почувствовала, как бешено пульсируют жилки у висков – от физического напряжения и паники. Они свернули в коридор, прошли мимо кабинета, ярко-белой студии, заполненной солнечным светом и унылыми акриловыми картинами с изображением горных пейзажей, дальше две нежилые детские спальни, сиявшие холодом совершенства. В конце коридора стеклянные двери открывались в хозяйскую спальню в форме восьмигранника; стены поднимались к сводчатому потолку, по которому бродили лучи небесного света.

Заверещал сверчок – и они застыли на месте. Дафна вытащила из кармана халата «Айфон» и вымученно улыбнулась, заставила эту улыбку просочиться в ее голос.

– Привет, дорогой... Нет, всё в порядке... Наверху? Сейчас.

Она шагнула в гардеробную и стукнула по выключателю. Летти остановилась в дверях и смотрела, как Дафна нырнула в стену из костюмов и платьев – и тут же вынырнула с помповым ружьем.

– Заряжено? – едва слышно вымолвила она.

Дафна кивнула.

– Чейз, его здесь нет. Посмотреть внизу? – Летти забрала ружье у Дафны. – Хорошо. Хорошего вам дня.

– Звоните в «девять-один-один», – прошептала Летти и, пока Дафна набирала номер, сняла предохранитель и дослала патрон в патронник.

Выглянув из-за угла, она окинула взглядом коридор. В доме стояла полная тишина. Летти вышла из гардеробной и попала в роскошную ванную комнату размером с ее квартиру, ощущая босыми ногами прохладу кафельной плитки.

Глубокая ванна. Огромный душ из камня с хромированным дном диаметром в полметра. Длинные столики из итальянского гранита.

Летти открыла стеклянную дверь душа и повернула ручку. Пошла горячая вода. Стекло сразу запотело. Она вернулась в спальню, закрыла за собой дверь и увидела, что Дафна стоит в шкафу.

– Зачем вы включили душ? – прошептала она.

– Полиция едет?

– Да.

Летти вырубил свет.

– Забейтесь в угол за одеждой и отключите мобильник.

Дафна отступила во тьму, и Летти закрыла дверь шкафа, а сама, осторожно ступая, вернулась в коридор, пробралась между мольбертами в студии к большим окнам и выглянула во двор.

Машина на дорожке никуда не делась. Черная «Тойота». Пустая.

Летти снова вышла в коридор и прислушалась: не воют ли полицейские сирены?

Будь включено центральное отопление, она бы ничего не услышала, да и в абсолютной тишине едва не пропустила этот звук – за углом, совсем рядом, под ногой, чуть подавшись, едва слышно скрипнула твердая половица.

Летти попятилась в студию, скрылась за открытой дверью.

Через щель ей был виден коридор.

Без малейшего звука появился Арнольд, в голубых джинсах и шерстяной куртке. На миг ей показалось, что у него что-то не так с руками – уж слишком бледные. Латексные перчатки. Темно-синие носки с резиновой подошвой делали его шаги совершенно беззвучными; он двигался по коридору медленно и размеренно, в руке у бедра – черный пистолет с длинным глушителем.

Перед дверью в спальню Арнольд остановился.

Он ждал не меньше минуты.

Но услышал только тихий шелест душа.

Когда Летти решила выйти из-за двери и выглянуть в коридор, Арнольда уже не было.

Держа ружье на уровне пояса, она начала двигаться к спальне. Вялый туман ее похмелья растаял, но теперь она вся напряглась, ее колотила дрожь, а в горле появился металлический привкус, какой возникал в ее жизни всего несколько раз – во время драк в тюрьме, когда она трижды слушала приговор судьи, и на похоронах отца.

Летти снова вошла в спальню. Из ванной валил пар, а в дверях спиной к ней стоял Арнольд. Голова шла кругом, накатила слабость, голос был готов подвести; казалось, все это происходит не с ней.

Арнольд вошел в укутанную паром ванную комнату, и Летти бочком углубилась в спальню, мимо неубранной постели и тренажера, ружье направлено в спину Арнольду, чей торс был виден в паровой дымке.

– На вас направлено ружье.

При звуке ее голоса он вздрогнул.

– Не оборачивайтесь. Не двигайтесь. Бросьте пистолет. – Арнольд не шевельнулся, но и пистолет не бросил. – Имейте в виду, второго приглашения не будет. – Пистолет стукнулся о кафельный пол. – Оттолкните подальше от себя. – Пистолет заскользил по полу и остановился возле шкафчика под раковиной. Летти подошла поближе и теперь стояла у входа в ванную комнату, настолько близко, что уловила знакомый запах его парфюма. – Выставьте руки перед собой и повернитесь. – Когда он увидел, что это она, в его глазах мелькнула лишь искорка удивления. – Сядь, Арнольд.

Он сел на ступеньку перед душем, и Летти вошла в ванную; между ними клубились облачка пара.

– Так ты полицейская? – спросил он.

– Вчера днем я была в твоём номере, когда туда вошли ты и Чейз. Я спряталась в стенном шкафу и слышала весь разговор.

– Ты – воровка... Значит, мы можем договориться.

– Это как же?

– Я могу что-то достать из кармана?

– Только медленно.

Арнольд сунул руку в шерстяную куртку, вытащил ключи и позвенел ими.

– Новенькая «Тойота». На переднем сиденье лежит портфель с двадцатью пятью тысячами долларов.

– Про портфель мне известно.

– Я просто ухожу – и всё. Вполне достойный улов, Летти. Наверняка ты в жизни за день столько не зарабатывала.

– А ты будешь продолжать делать то, что делаешь?

Арнольд улыбнулся, покачал головой.

– Люди, на которых я работаю... если они хотят, чтобы человек умер, ему суждено умереть. Это происходит по их воле. Не по моей. На спусковой крючок нажимают они. А я – всего лишь пуля. Правда, Летти. Зачем тебе в это впутываться? Ты воровка, к тому же наркоманка. В тюрьме сидела?

– Да.

– Ну и зачем тебе связываться с толстосумами? Зачем тебе эти капризные богачи? Зачем ты подставляешься... уже подставилась?

– Когда ты ночью дома, один, тебе никогда не кажется, что где-то по дороге ты уже пересек эту невидимую черту? Продал свою душу?

Арнольд просто смотрел на нее, а струи воды колотили по каменному полу.

– Я думала, что начисто сбилась с пути, Арни. И тут мне пришлось прятаться в шкафу в твоём номере, и мне показалось, что я могу вернуться за черту...

Летти услышала, как распахнулась дверь стенного шкафа. Оттуда вышла Дафна и встала рядом с ней.

– Мой муж заплатил вам, чтобы вы меня убили?

Арнольд не ответил. Дафна подошла к раковине, наклонилась и подняла пистолет.

– Не надо его трогать, Дафна. Сейчас приедет полиция.

– Не сразу.

– То есть как?

– Вы свое отсидели. Я не хочу, чтобы вы засветились – ведь вы же об этом узнали, когда грабили гостей в гостинице. Забирайте его машину и деньги. Как уедете, я позвоню в полицию.

– Но это ваши деньги, Дафна.

– Нет, это деньги Чейза. – Она навела на Арнольда его пистолет. – Ключи.

Арнольд бросил ключи Летти.

– Я не хочу оставлять вас наедине с ним, Дафна.

– Все будет в порядке. – Она взяла ружье.

– Я не могу вас оставить.

– Вы спасли мне жизнь, Летти. Я никогда этого не забуду. Уезжайте.

8

Пять дней спустя, в шесть часов вечера, Чейз Рошфор, одетый с иголки в модный светло-серый костюм от «Коппли» и кобальтово-синие оксфордские полуботинки, с «Айфоном» в руке вышел из лифта и с легкостью прошагал через вестибюль неоготического Джексон-билдинг, двенадцатый этаж которого занимала его адвокатская контора «Рошфор, Бладсуорт и Сакс». На улицу за ним вышла яркая огненно-рыжая девица и раскрыла зонтик навстречу морозящему пятничному вечеру. Она шла за ним по пятам до Саут-Пэк-сквер, потом до рынка Норт-маркет и еще несколько кварталов до пересечения с Удфин-стрит, где Рошфор вошел в гостиницу «Шератон».

* * *

Он сидел в углу стейк-бара и, позволив остыть чилийскому морскому окуню, глотал двойной виски «Пауэрс» со льдом и кусочком лимона так, будто от этого зависела его жизнь. Во время шестой порции стул рядом с ним освободился, на него забралась Летти и заказала себе мерло.

Пока девушка в баре наливала ей вино, Летти потянулась к Чейзу, похлопала его по руке и спросила с наигранным сочувствием:

– Как держитесь?

Она внимательно взгляделась в его лицо – найти следы стресса прошедшей недели, – но единственным свидетельством были лишь черные круги под глазами, да и те скрывал тональный крем и румянец от ирландского виски.

В остекленном взгляде мелькнуло подобие улыбки, и он пробормотал:

– Мы знакомы?

– Ну, я-то вас точно знаю.

Девушка принесла ей вино.

– Десять долларов. Заплатите потом за...

Чейз постучал себя в грудь.

– Я угощаю.

– Конечно, господин Рошфор.

– Чейз. – Он стукнул своим низким стаканом по бокалу Летти, проглотил остатки виски, извлек лимон из таявших кубиков льда и, начав жевать кожуру коренными зубами, спросил: – Я привлекал вас к суду?

– Нет, не привлекали.

– Хорошо. – Он осклабился. – Я привлекал к суду половину жителей этого города.

Барменша принесла Чейзу новую порцию двойного «Пауэрса» со льдом и сменила его опустевший стакан.

– Но хочу вас о чем-то спросить, – сказала Летти, прикоснувшись коленом к его левой ноге.

– О чем же?

– Последние пять дней я читала «Ситизен таймс» от корки до корки, но об этом не было ни слова. – Чейз потянул виски из нового стакана, и Летти подумала: интересно, до какой степени он набрался, насколько он способен воспринимать ее слова? – Я звонила вам домой. Никто не берет трубку. Вы со Скайлером всю неделю живете в этой гостинице и каждый вечер приходите сюда и надираетесь до полного ступора.

Сквозь румянец от виски на его лице проступила бледность.

– Кто вы?

– Я была там, Чейз.

– Где? О чем вы говорите?

Летти наклонилась и зашептала ему в ухо:

– В номере пятьдесят два двенадцать в гостинице «Гроув-парк», когда вы встречались с Арнольдом Лебреком и наняли его убить вашу жену. Я стояла в стенном шкафу. И слышала абсолютно все.

Чейз откинулся назад. Вдруг стали отчетливо слышны все звуки стейк-бара: тридцать отдельных разговоров вкупе со звяканьем стекла и посуды.

– В прошлое воскресенье, – продолжила она, – я поехала к вам домой на Монтфорд. И все рассказала вашей жене...

– Господи.

– ...а когда я уезжала, она держала господина Лебрека на мушке вашего «помповика» и собиралась звонить в полицию. Зря я ее с ним оставила... Но, как я только что сказала, в газетах ничего нет. О Дафне ни слова. Поэтому я сижу сейчас перед вами и спрашиваю, что случилось. Но прежде чем ответите, хочу сказать: я написала письмо в полицейское управление Эшвилла с подробным описанием из первых рук, и, если я вдруг исчезну, завтра его доставит туда мой приятель.

Концовка была ложью. Летти думала об этом, но дальше дело не пошло.

Чейз залпом опорожнил стакан и стукнул им по стойке.

– Почему вы не возвращаетесь домой? – спросила Летти. – Что вы там сделали в воскресенье утром, после того как я уехала? Что вы сделали с вашей женой?

Чейз схватился за стойку бара, стараясь унять дрожь в руках. Закрыв глаза, снова открыл. Барменша поставила перед ним новую порцию виски и забрала его тарелку с остывшим и нетронутым ужином.

– Вы даже не представляете, что натворили, – сказал он.

– Я еду к вам домой, – сказала Летти. – Сегодня. Я найду там ее труп? Скажите прямо – какой смысл сидеть здесь и все отрицать, будто ничего этого не было?

Целую минуту Чейз смотрел вдоль барной стойки, потом потер ладонями глаза, частично смазав крем. Еще раз жадно глотнув «Пауэрса», он сказал:

– Я встретил Дафну после смерти моей первой жены. Скайлеру было два года, мои родители на неделю взяли его к себе, позволили мне развеяться. Мы встретились в Оранже-стаде. Про Аруббу слышали? Дафна, если захочет, может быть очень даже общительной... Где-то через год после женитьбы до меня стало доходить, кто она на самом деле. Наша знакомая развелась, и Дафна утешала ее по телефону. Мелочь, конечно, но я вдруг осознал, что именно она делает. Моя жена умела так построить разговор, что казалось, будто она тебе сочувствует, а на самом деле она сыпала тебе соль на рану. Потом я был этому свидетелем не один раз. В том числе она так поступала и со мной. И с моим сыном. Ей будто доставляла удовольствие чужая боль. Наполняла ее душу черной радостью. Прошу вас, – пробормотал он, – не ездите туда. Оставьте все, как есть.

– То есть ваша жена оказалась стервой, и вы решили ее убить? Очень оригинально. – У Летти возникло сильное желание достать из сумочки свой пистолет «Беретта 84», сунуть его Чейзу под ребра, заставить поехать с ней и сунуть носом в то, что он сделал. Но она лишь слезла с высокого стула и сказала:

– Насладитесь свободой, Чейз. Этот вечер может оказаться последним.

9

Летти запарковала свой «бумер» у самого тупика и по дорожке поднялась к дому Рошфоров. Морозящий дождь окончательно обернулся холодным и призрачным туманом, и викторианская эпоха была представлена только фонарем, который отбрасывал свет на шеренгу высоких арочных окон на втором этаже. У входа она глянула сквозь мозаичную панель и увидела полосу слабо освещенного вестибюля – пусто.

Летти постучала в дверь, подождала, но на стук никто не вышел.

Она раскрыла незапертое третье окно. Приподняла шторку, увидела гостиную, которую освещала лишь настольная лампа на рояле, перелезла через спинку дивана с мягкой обивкой и закрыла за собой окно.

– Дафна?

Прошла через гостиную, поднялась наверх – под ногами поскрипывали половицы. Кровать в хозяйской спальне была разобрана: покрывало откинута, простыни смяты, с боков свисает одежда.

Летти спустилась вниз, оказалась на кухне и, глядя на полную раковину грязной посуды, вдруг услышала звуки музыки – какое-то умиротворяющее адажио, – доносившиеся из дальнего угла дома.

Она обошла барную стойку и оказалась перед закрытой дверью в уголок для принятия пищи. Открыла ее. Звуки музыки усилились.

Перед собой Летти увидела ступени, уходившие на подземный уровень дома, стала спускаться по ним и вскоре шагнула на пол из клетчатого известняка. Слева в хозяйственной нише стояли стиральная машина и сушилка, вокруг – плетеные корзины с нестираным бельем, от которого пахло плесенью.

Летти повернула направо, и музыка стала громче.

Она вышла из-за угла и остановилась.

Просторное помещение из кирпича было уставлено металлическими винными стеллажами, верхние ряды бутылок потускнели от пыли.

Рядом с мольбертом стоял американский проигрыватель компакт-дисков, тут же расположились комплект немецких кухонных ножей, коробки с марлей и повязками. С потолка винного погреба на продетых под мышками цепях – глаза Летти округлились – свисала Дафна.

Вдруг безжизненное тело шевельнулось и издало низкий воющий звук.

Это была не Дафна.

Летти узнала удушающие руки, вытатуированные на шее Арнольда Лебрека, – он тяжело поднял голову и уставился на Летти, а потом – на что-то у нее за спиной.

Она обмерла.

Заставила себя обернуться.

В пяти шагах от нее стояла Дафна, на ней – вымазанный кровью черный резиновый фартук и белая хирургическая маска; черные волосы прихвачены лентой, несколько прядей спадают на плечи.

Прямо в лицо Летти смотрело дуло «помповика», и что-то в этом черном отверстии навело ее на псевдофилософские мысли о смысле жизни. Больше не надо будет себя ненавидеть, избегать зеркала, слушать, как отец шепотом велит ей спать, читать книги о том, как научиться любить себя или стремиться стать кем-то, кем ты не можешь стать из-за своего ДНК... Из ружья на нее смотрела жуткая смерть, и не потому, что Летти была плохим человеком, а потому, что не пожелала быть еще хуже.

Летти среагировала быстро.

– Слава богу. Вы целы.

– Что вы здесь делаете? – спросила Дафна сквозь маску.

– Хотела проверить, всё ли с вами в порядке. Я натолкнулась на Чейза...

– И что он вам сказал? Я велела ему оставить меня наедине с Арнольдом на неделю, а потом я исчезну из его жизни.

– Он ничего мне не рассказал, Дафна. Поэтому я и приехала. Удостовериться, что у вас все хорошо.

Арнольд застонал, дернулся и, подобно маятнику, закачался взад-вперед над широким дренажным отверстием в полу.

– Этот человек собирался меня убить, – сказала Дафна.

– Я знаю, милая. Я вас спасла. Помните? – Запах разил наповал. Глаза у Летти начали слезиться, в желудке зашипало. – Ну, я вижу, что вы целы и невредимы, так что я смываюсь, а вы уж...

– Зря вы вернулись.

– Я ничего не могла найти в газетах про вашего мужа или Арнольда. Стало тревожно, и я подумала: вдруг после моего отъезда в воскресенье с вами что-то случилось?

Дафна просто смотрела на нее. Шевелилась только белая маска. Наконец она сказала:

– Вы думаете, то, что я сейчас делаю...

– Нет, нет. Я не собираюсь вас... Этот человек хотел вас убить. Он получает по заслугам. Только подумать, сколько людей он убил за деньги...

– Вы мою картину видели?

– М-м-м... да.

– И что скажете?

– Что скажу?

– Она вам нравится?

– О да. Она... заставляет задуматься, и...

– Частично портрет Арнольда нарисован из самого Арнольда.

От тяжести ружья плечи Дафны чуть опустились, дуло оказалось на уровне горла Летти.

– Я спасла вам жизнь, – сказала Летти.

– Я помню, что сказала тогда. Я никогда этого не забуду. Идите в винный погреб. Оттолкните Арнольда и встаньте над дренажной ямой.

– Дафна...

– С вами будет приятно иметь дело.

Правой рукой Летти вцепилась в молнию своего любимейшего трофея – клетчатой кожаной сумочки от «Шанель», которую она украла в Нью-Йорке, в отеле «Гранд Хайятт». В «Саксе» на Пятой авеню такая стоит три с половиной тысячи баксов.

- Уберите оттуда руку.
- Мобильник вибрирует.
- Дайте его сюда.

Летти расстегнула молнию, левой рукой вытащила мобильник, а правой позволила соскользнуть в сумочку. Под дулом «помповика» и не так задержась.

– Вот, – сказала она и бросила телефон Дафне, и пока мобильник описывал в воздухе дугу, правой рукой нащупала «Беретту» и большим пальцем сняла предохранитель.

И в ту секунду, когда Дафна поймала телефон, спустила курок.

Заряд из «помповика» бабахнул в потолок, вниз посыпалась желтоватая кирпичная крошка, а Дафну откинуло к стене; из дырки в ее горле потекла тонкая струйка крови.

Летти вытащила пистолет – какой смысл портить сумочку дальше? – и три раза выстрелила Дафне в грудь.

Ружье и телефон со стуком упали на известковый пол, и Дафна сползла вниз, осела у стены. Из-под резинового фартука, словно ее откачивали маленьким насосом, потекла кровь, и по мере затухания сердца эти импульсы увеличивались. Она вцепилась в горло, но силы или воля оставили ее через десять секунд; глаза уже зияли пустотой. Летти ногой отшвырнула ружье к стиральной машине и подошла к краю винного погреба, дыша ртом: к вони примешался запах пороха.

Она взглянула на Арнольда.

– Я вызову тебе «Скорую».

Он мотнул головой в сторону ее пистолета.

– Хочешь, чтобы меня... – И испустил долгий и тихий стон – печальный, безысходный, потусторонний.

– Арни, – сказала Летти, поднимая «Беретту», – мне кажется, даже ты этого не заслуживаешь.

10

Летти спустилась по длинной подъездной дорожке к «Тойоте». Дождь прекратился, облака потихоньку расползались, в южном небе уже появились тусклые звезды, кусочек луны слушал пение ночной птицы. На короткое мгновение ее сердце порадовалось прекрасному, но тут же пришла сокрушительная мысль: в мире столько красоты, а ей за свои тридцать шесть лет так редко удавалось к этой красоте прикоснуться...

Сойдя с подъездной дорожки, Летти вытащила из безнадежно испорченной сумочки телефон, несколько секунд поискала номер Чейза Рошфора, но потом отключила аппарат. На сегодня она сделала достаточно. Куда более чем достаточно.

Пискнула сигнализация, Летти открыла машину, включила фары – и два световых цилиндра пронзили остатки висевшего в тупике тумана. Она села поудобнее, включила двигатель и помчалась от дома, от жизней, которые ее больше не заботили. В груди ее что-то привычно нарастало; это она собиралась с силами – как в первую ночь очередной отсидки, когда весь воздух в камере был пронизан одиночеством.

И Летти обещала себе: никогда больше она не будет хорошей.

Она будет только жестче, сильнее, вернее – и будет раз и навсегда жить в мире с собой, прекрасной и плюющей на законы.

Послесловие Блейка Крауча к «Чужой боли»

«Чужая боль» – это рассказ о Летти Добеш, который достаточно близко совпадает с пилотным эпизодом телесериала «Хорошее поведение». Он более или менее основан на том, что вы только что прочитали, за исключением нескольких ключевых изменений.

Первое: Арнольд в рассказе стал Хавьером в телесериале.

Рассказ и пилотный эпизод идут почти параллельными курсами до начала восьмой главы. И в сериале, и в рассказе Летти уезжает из дома Дафны, а та вооружена, разгневана, и убийца полностью подчинен ее воле.

В рассказе Арнольду выпадает невысказанно страшная участь. Дафна несколько дней пытается его в подвале. Сюжетный поворот состоит в том, что она оказывается чудовищем, и Летти внезапно открывается: наверное, вмешаться в сделку между Чейзом и Арнольдом ей не стоило.

Однако, раздумывая над пилотной серией, Чад Ходж и я поняли: такая концовка не сработает. Во-первых, получался мрачный ужастик, но развивать эту линию в наши планы не входило. И дело было даже не в этом, нас больше интересовала динамика отношений между Летти и Арнольдом (вскоре Летти и Хавьером), связывавшая их сила. Когда мы знакомимся с Летти, она только что вышла из тюрьмы, хочет «завязать» с наркотиками, она ворует, ненавидит себя, ее внутренний мир вот-вот рухнет. И мысль о том, что запутанные отношения с наемным убийцей могут спасти ее от себя, показалась нам очень привлекательной. Именно такой сериал был нам интересен. «Бонни и Клайд с точки зрения Бонни» – так мы продавали эту идею телеканалам.

Разумеется, в пилотном эпизоде появились и другие дополнения, потому что мы хотели воссоздать мир Летти и людей, которые его наполняют, сразу после тюремных ворот. Поэтому появилась Эстель, мама Летти, которой в рассказе нет. Появился ее сын, Джейкоб. Наконец, ее инспектор по надзору, Кристиан.

Меня часто спрашивают, как мы с Чадом подходим к совместному написанию сценария. Мы разработали эгалитарный метод (если честно, это идея Чада).

Телевизионный сценарий обычно – страниц пятьдесят-шестьдесят. Чад пишет первые десять страниц. Я читаю то, что он написал, редактирую, потом пишу следующие десять страниц и отправляю ему. Потом мы все это прополаскиваем, отмываем, повторяем, шлем материал туда и обратно – и так до завершения первого эпизода. На первую черновую версию ушел месяц.

Гостиница, в которой разворачивается основная часть сюжета, реально существует в Эшвилле, штат Северная Каролина, она называется «Грув-парк». Я там никогда не останавливался, но в холле бывал, всегда восхищался архитектурой этого сооружения, которая, как ее охарактеризовал в своем гениальном романе «Саттри» Кормака Маккарти, напоминает «грудь побитых ветрами камней».

Мы хотели снимать в «Грув-парк-инн» и в холле, и на улице перед гостиницей, но увы, съемки в Северной Каролине пришлось на бархатный сезон, народу в гостинице было битком, и снимать там было невозможно.

В итоге работать пришлось в Уилмингтоне, это ниже по побережью в Северной Каролине; место нас вполне устроило.

Первые кадры сериала: вечер, льет дождь, ресторанчик. На экране появляется надпись: Стейтсвилл, Северная Каролина. Стейтсвилл – это город в центральной части Северной Каролины, где я родился.

Ставить пилотный эпизод доверили замечательной датчанке Шарлотте Силинг. Через несколько месяцев после официального начала съемок, когда мы еще нащупывали визуальный ряд сериала, Шарлотта позвонила и сказала:

– Мне кажется, я знаю, что у нас должно получиться. Мы создадим нечто под названием «поэтический нуар».

– Отлично, – сказал я. – Но, черт возьми, что такое «поэтический нуар»?

И она ответила:

– Понятия не имею. Скажу, когда все закончим.

Риф заката

1

Летти Добеш вошла с холода, и ее встретил запах жареной яичницы, ветчины и прогорклого кофе. «Ваффл хаус» находился в поганом районе Южной Атланты, неподалеку от аэропорта. На ней был купленный на барахолке длинный плащ с поясом, от которого еще пахло шариками нафталина. В желудке урчало, от голода кружилась голова. Она оглядела ресторан. У виска пульсировала жилка. Встретаться с Хавьером она не хотела. Он ее пугал. Впрочем, не ее одну. Но на счету у нее было двенадцать долларов и двадцать три цента, и она не ела два дня. А тут маячит бесплатный ужин – как откажешься?

Летти пришла на двадцать минут раньше, но Хавьер уже был на месте. Он сидел в угловой кабинке, откуда просматривались и улица, и вход в ресторан. И наблюдал за ней. Она заставила себя улыбнуться и неровной походкой прошла по проходу возле стойки. Ее каблочки постукивали по заляпанному никотином линолеуму.

Летти проскользнула в кабинку, села напротив Хавьера и кивнула. У него были короткие черные волосы и безупречный загар. Каждый раз при встрече с ним Летти вспоминала поговорку: «Глаза – зеркало души». Потому что глаза Хавьера никаким зеркалом не были. Они не отражали ничего – их чистота и голубизна были фальшивыми. Эдакий горный хрусталь – блеск, пустота, ничего человеческого.

К их столику подкралась древняя официантка с блокнотом и дурным перманентом.

– Что будем заказывать?

Летти взглянула на Хавьера и приподняла бровь.

– Угощаю, – сказал тот.

– Завтрак фермера. И еще порцию сосисок. Пару яиц. Глазунью сделаете? Ну, и йогурт. Официантка повернулась к Хавьеру.

– А тебе, красавчик?

– Красавчик?

– Что будете заказывать, сэр?

– Буду питаться ее испарениями. Воды принесите.

– Со льдом? – Это прозвучало как «козел».

– Сделайте милость.

Когда официантка ушла, Хавьер принялся разглядывать Летти. Наконец, он сказал:

– Скулы такие, что ими можно стекло резать. Я думал, ты разжилась деньгами...

– Было дело.

– И что? Все прокурила?

Летти опустила голову. Руки она держала на коленях, чтобы Хавьер не видел – они дрожат.

– Покажи зубы, – сказал он.

– Что?

– Зубы. Покажи.

Летти показала.

– Я завязала, – прошептала она.

– Давно?

– С месяц.

– Не ври мне.

– Четыре дня.

– Потому что деньги кончились?

Летти взглянула на решетку, где жарилось мясо. Казалось, она вот-вот умрет от голода.

– Где сейчас живешь? – спросил Хавьер.

– В мотеле, несколько кварталов отсюда. Оплачен до завтрашнего дня.

– А потом что? На улицу?

– Ты сказал, у тебя что-то для меня есть.

– Ты сейчас не в форме.

– Для чего? Для конкурса красоты? Форму наберу.

– Сомнительно.

– Хав. – Она перегнулась через стол и схватила его за руку. Хавьер взглянул на руку, поднял глаза на Летти. Та отпрянула, будто прикоснулась к раскаленной плите. – Мне это очень надо, – прошептала она.

– А мне – нет.

Официантка вернулась с водой для Хавьера и кофе для Летти, сказала:

– Еда сейчас будет.

– Сегодня только четвертый день, – сказала Летти. – Еще неделя – и буду как новенькая.

Когда работа?

– Дело слишком серьезное, обдолбанной шалаве его доверять нельзя.

Любому другому Летти такого не спустила бы, живо поставила бы на место. Но тут она лишь повторила вопрос:

– Когда?

– Через восемь дней.

– Я буду в норме. Вот увидишь.

Хавьер смотрел на нее своими прозрачными глазами.

Наконец он сказал:

– Ты готова рискнуть жизнью за миллион долларов? Речь не о том, что тебя могут поймать. Или засунуть в тюрьму. А о том, что могут реально убить.

Летти не задумалась ни на секунду.

– Готова. Разве я тебя когда-нибудь подводила, Хавьер?

– Тогда бы ты тут не сидела, живая и невредимая.

Хавьер взглянул в окно. На той стороне улицы тянулась шеренга витрин. Ломбард. Парикмахерская. Винный магазин. На всех окнах – решетки. Под серым зимним небом не было ни единого человека. Дорогу в ожидании редкого для юга гололеда уже посыпали солью.

– Ты мне нравишься, Летти. Почему, сам не знаю.

– Только не спрашивай, почему я это с собой делаю...

– Это меня не касается. – Хавьер снова перевел взгляд на нее. Похоже, он принял решение. – Летти, если ты провалишь дело...

– Знаю. Можешь на меня положиться.

– Можно договорить? – Хавьер сунул пальцы в стакан и достал из воды кубик льда. Повозил его по столу, посмотрел, как он тает. – С тобой я даже связываться не буду. Первым будет Джейкоб. И при нашей следующей встрече я принесу тебе от него кусочек.

У Летти перехватило дыхание.

– Откуда ты про него знаешь?

– Какая разница?

За время своего двухмесячного «марафона» она не позволяла себе думать о сыне. Его у нее забрали перед ее последней посадкой. Он жил в Орегоне, у матери своего отца. Шесть

лет. Мысли о нем Летти загнала в тяжелую стальную клетку, что гнездилась в ее душе, – там она прятала свои более чем болезненные проблемы.

Принесли еду. Летти протерла глаза.

Она постаралась не хватать куски, но за всю свою жизнь не знала такого голода. В первый раз за несколько дней ее желудок получил настоящую пищу. Ее даже затошнило. Хавьер подался вперед и стащил у нее полоску ветчины.

– Это налог. – Он улыбнулся и откусил половину. – О Джоне Фитче что-нибудь слышала?

Летти была занята тем, что запихивала в рот яичницу.

– Нет.

– Бывший директор «Пауэртек».

– А это что?

– Международная энергетическо-сырьевая компания, находится в Хьюстоне.

– Может, что-то и слышала в новостях... Там был какой-то скандал, да?

– Они мухлевали с бухгалтерией, обманывали инвесторов. Тысячи сотрудников «Пауэртек» лишились пенсий. За всем этим стоял Фитч и его ближний круг. Месяц назад его обвинили в мошенничестве с ценными бумагами. Приговорили к двадцати шести годам тюрьмы.

– Поделом.

– Сказала воровка... Он сейчас освобожден под залог в семьдесят пять миллионов долларов. Через девять дней должен явиться в федеральную тюрьму в Северной Каролине.

Летти отложила вилку и глотнула черный кофе. Кофеина ее организм не получал почти месяц, и ее тут же начала колотить нервная дрожь.

– И при чем тут мы, Хав?

– От Фитча ушла семья. У него никого нет. Ему шестьдесят шесть лет, и, скорее всего, в тюрьме он умрет. Мне известно, что последний вечер на свободе Фитч хочет провести в женском обществе. И его не устроит девушка по вызову из какой-нибудь, – Летти уже отрицательно качала головой, – службы VIP-сопровождения. Ему нужно что-то необычное, особенное.

– Я не проститутка, – отрезала Летти. – Никогда этим не занималась – и не стану. И не важно, какими деньгами ты будешь махать у меня перед носом.

– Думаешь, я не нашел бы кого-то моложе, красивее и... опытнее, чем ты, будь мне нужна шлюха?

– Очаровательно.

– Летти, ты сможешь решить свои проблемы на всю оставшуюся жизнь.

– Не въезжаю.

Хавьер улыбнулся, и это было жуткое зрелище.

Весь ресторан содрогнулся – это над ними прогрохотал самолет.

– Тебя никто не просит трахаться, – сказал Хавьер. – Речь идет об ограблении.

2

Когда Летти работала на Хавьера в прошлый раз, пришлось шерстить крупных игроков в Вегасе. Он обеспечил ее универсальной карточкой-ключом и взял на себя наблюдение, сообщая ей, когда объект выходит из номера. Риск там, конечно, был, но в пределах ее уровня комфорта. Ничего похожего на то, что предлагалось сейчас.

Она надломил вафлю и сказала:

– Скажу честно: от слова «ограбление» я не в восторге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.